

Владимир Коркунов
«География, арифметика
и немного любви»

О СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУССКОЙ ПОЭЗИИ

В официально билингвальной Беларуси¹ сосуществуют русско- и белорусскоязычные тексты. Вместе, но, как два сообщающихся сосуда, — в разных емкостях. Это обусловлено исторически сложившимися ориентирами на существующие рядом и переплетающиеся внутри страны литературные традиции. Добавим украинскую, польскую и литовскую культуры и увидим, что Беларусь находится на некоем культурном перекрестке. Тем не менее говорить мы будем в первую очередь о тех, кто пишет на национальном языке. Это не вопрос амбиций; он даже не вполне поэтический (русскоязычную поэзию читают больше белорусскоязычной), но абсолютно точно — в сфере литературной, а точнее, языковой политики. Разумеется, ситуация не столь острая, как в случае с Украиной. Но и здесь она проистекает из русла если не поглощения, то активного влияния.

«Русский считается не то что языком оккупантов, это принудительно насаженный язык, который убивает аутентичную культуру», — уточняет белорусская поэтка Кристина Бандурина². Это общая ситуация для экс-соцлагеря. Сродни поглощению другой цивилизацией, о чем писал Милан Кундера в эссе о Янисе Ксенакинсе. За столетие советского/постсоветского времени потеря идентичности и языка в Беларуси ощущается не катастрофой — нормой, частью сознания. И все же — искусственно насаженной культурой, из-под многотомных пластов которой звучат голоса.

Речь не только об ушедших классиках вроде Янки Купалы, Якуба Коласа, Владимира Короткевича или Михася Стрельцова. В современной белорусской поэтической среде несколько поколений поэтов, развивающих совместными усилиями традиции национальной литературы, заложенные в начале XX века. **Алесь Рязанов** (р. 1947) еще в 1969 году был отчислен с филфака Белорусского государственного университета за участие в студенческих волнениях в защиту белорусского языка. Он последовательно оберегает его статус (и поэтического языка вообще, и белорусского верлибра, распатывая, как писал Д. Кузьмин, «границы допустимого в подсоветской литературной и культурной ситуации»³) и во многом сформировал шедшие следом поколения в диапазоне от Хадановича до самых юных в нашем обзоре П. Горбача и Д. Белькевич. Наряду с **Вальжиной Морт**, Рязанов — самый известный за пределами Беларуси поэт. Ему принадлежат сразу несколько «новых для белорусской поэзии форм»: зномы, квантемы, вершаказы, злесьы и др., самая известная из них — версеты, хотя ее

-
- 1 Билингвизм закреплен законодательно, однако в бытовой сфере приоритет за русским языком.
 - 2 Готовясь к написанию статьи, я взял три интервью — у филолога У. Вериней и поэтток К. Бандуриной и А. Комар.
 - 3 *Кузьмин Д.* Рец. на сб. Алесья Рязанова «Вместе с травой» // Воздух. 2017. № 1. С. 299.

аналоги существовали и в белорусской поэзии (Я. Колас), и в мировой⁴. На русский его успешно переводили Я. Пробштейн и В. Козаровецкий.

Из живых классиков отметим и **Владимира Некляева** (р. 1946), трудно-переводимого на русский язык «в силу формальной виртуозности и полной погруженности в белорусский контекст»⁵, пострадавшего, кстати, еще в 2010 году, когда он выдвигался на пост президента Беларуси и был арестован в день выборов, а затем обвинен в организации массовых беспорядков. (Тогда же, кстати, был арестован и другой поэт, **Славамир Адамович**, — по той же статье о нарушении порядка, 23.34, — уже бывший к тому времени под арестом в 1996—1997-м за стихотворение «Убей президента»; арестантские связи в Беларуси в некотором смысле прошивают всю новейшую историю.) Поэтическое — это политическое, что в контексте белорусских событий обретает особый смысл. Вот и другой поэт, прозаик и историк старшего поколения, **Владимир Орлов**, «может быть, самый популярный белорусский писатель»⁶, оштрафован на 540 белорусских рублей за участие в митинге (в этом белорусская судебная система берет пример с российских коллег) — за прочтение текста «Независимость — это...», переведенного более чем на 25 языков⁷. Но власть и человеческое в современной Беларуси слишком часто находятся перпендикулярно друг другу. И врезавшаяся в тело дубинка постепенно поднимается к шее, лишая воздуха. Из условно старшего поколения упомянем также супругу Орлова — **Валентину Аксак** (р. 1953), совмещающую в сравнительно небольших стихах «домашний уют и орлиную высоту»⁸; перешедшую в середине 2000-х (см., например, сборник «Віно з Каліфорніі», 2003) с регулярного стиха на верлибр.

Центральная фигура следующего литературного поколения — **Андрей Хаданович** (р. 1973), задавший тренд на сближение поэтического и песенного дискурсов (можно говорить о целом ряде белорусских музыкантов и поэтов: О. Бахаревич, Д. Строцев, В. Рыжков, В. Ленкевич и др.), высокого и низкого. В текстах Хадановича — концентрат иронии, ведущей отсчет чуть ли не от Вий-она; да и сам поэт — блестящий переводчик с французского. Это свойственно и ранней лирике Хадановича, и новым, все чаще социальным, стихам, где ирония обретает гротескную форму и доходит до высоты карнавального смеха/высмеивания (см., например: «Вот пишет психолог: “Как жил ты, народу не любый, / так долго и нудно, что мы чуть не врезали дуба?”»⁹ — с очевидным намеком на Лукашенко). Очень точно о нем сказал украинский прозаик Ю. Андрухович: «Постмодернизм Хадановича, по сути, лежит на поверхности, а точнее даже кричит с нее. Прежде всего это подчеркнутая коллажность, цитатность, пародийность»¹⁰. Разумеется, только к этому поэтика Хадановича не сводится, и да-

4 *Лепишева Е.* Голоса живых // Дружба народов. 2021. № 4. С. 223—224.

5 *Хаданович А.* Белорусская поэзия: трудности перевода // Новая юность. 2009. № 2 (https://magazines.gorky.media/nov_yun/2009/6/belorusskaya-poeziya-trudnosti-perevoda.html).

6 *Хаданович А.* «Я — влюбчивый переводчик...» // Интерпоэзия. 2018. № 1 (<http://interpoezia.org/content/ya-vlyubchivyyj-perevodchik/>).

7 *Орлов В.* Независимость — это... // Наш дом. 2020. 3 июля (<https://nash-dom.info/61116>).

8 Из выступления критика Т. Чернякевича.

9 Перевод Г. Каневского.

10 *Андрухович Ю.* Андрэй Хадановіч і перавагі акупацыйнага рэжыму // ARCHE. 2002. № 3 (<https://дз.ею/pub/arche/html/2002-3/andru302.html>) (Наши переводы даны без указания переводчика. — В. К.)

лее Андрухович отмечает постмодернизм поэта как самодостаточную рефлексию, вечное распознавание себя и своего места, «обреченное на неудачу из-за окончательной размытости любых координат, но именно тем и прекрасное»¹¹.

Влияние Хадановича на молодых поэтов Беларуси сравнимо с влиянием С. Жадана на молодых поэтов Украины; он педагог и популяризатор современной белорусской и западной поэзии, в течение десяти лет возглавлял ПЕН-Центр (сейчас его глава — С. Алексиевич), большинство инициатив которого связаны с развитием белорусского языка. Российским читателям Хаданович известен меньше, чем украинским, порукой и больший объем переводов (на русский Хадановича переводили И. Белов, Д. Кузьмин, С. Бельский, Г. Каневский и др.), и выпущенные книги — Хаданович больше факт украинской литературы, чем русской.

Пересечение песенной и поэтической культур — отличительное свойство целого ряда белорусских авторов. Как музыкант начинал О. Бахаревич, Д. Стронец — до сих пор человек-оркестр. **Виталь Рыжков** (р. 1986) исполняет рэп под псевдонимом Angst (его стихи имеют атрибуты хип-хоп текстов). **Михаил Барановский** (р. 1984) — поэт и музыкант, лауреат белорусского «Дебюта». **Владимир Ленкевич** (р. 1987) — солист и гитарист двух групп. Осенью и зимой 2020 года Ленкевич был арестован дважды — 8 сентября, в один день с поэткой А. Комар и переводчиком С. Медведевым, а 6 декабря — вторично. И дважды осужден: на 6 и 15 суток. Пытки в Беларуси, по свидетельствам жертв репрессий, начинаются в момент задержания. И наслаиваются на бесчеловечные условия внутри изоляторов/тюрем. Свой опыт пребывания в Жодино Ленкевич описал в документальном цикле «6 стихотворений осени 2020», еще не зная о будущем втором аресте.

Первое впечатление, с которым сталкиваешься после прочтения этих стихов, — растерянности: от произвола власти и реальности, свойственной, казалось бы, только задворкам мира. Неужели мы — задворки мира? Цикл Ленкевича становится социально-гуманистическим гимном (не)свободной Беларуси и задает отредактированный временем вопрос: «Возможна ли поэзия после Окрестина?» Возможна. Но не в том виде, что прежде: еще бóльшая серьезность, еще меньшее количество слов.

Ленкевич никогда не был многопишущим поэтом. В его первом и единственном на сегодня сборнике, «70% воды» (как в теле человека), всего 25 стихотворений; тонких наблюдений «за простыми вещами» с легкой прививкой иронии, лишаящей «поэтические тексты ненужного пафоса»¹². В Беларуси его называли «вундеркиндом» (А. Хаданович), позже — одним из самых многообещающих поэтов поколения¹³. А одним из самых ярких переводчиков с английского, чувствующим нерв и стиль исходного текста порой глубже оригинала, что вполне может «обидеть» иных авторов¹⁴, как пишут критики, — он является уже сейчас.

11 Там же.

12 *Лаппо М.* Добрая і дрэнная рэцэнзіі на пераможцаў прэміі «Дэбют» // Беларускі ПЭН-цэнтр. 2014. 4 июня (<https://pen-centre.by/2014/06/04/dobraya-drennaya-recenz-na-peramozhca-prem-debyut.html>).

13 *Будкин С.* Уладзь Лянкевіч як ландшафтны дызайнэр беларускай прасторы // TuzinFM. 2014. 12 февраля (<https://tuzinfm.by/article/567/uladz-lankievic-jak-landsaftny-dyzajnier-bielaruskaj.html>).

14 Там же.

На русском тексты Ленкевича, полные стилистически сложных для перевода созвучий, внутренних рифм, диалектизмов и говорков (порой без аналогов в нашем языке, как, например, «деды» / «дзяды», которые мы заменили на «Куропаты»), выходили в переводах И. Белова и Г. Каневского.

Юля Тимофеева (р. 1982) пришла в белорусскую литературу как переводчица, а со стихами дебютировала позже, и уже в первом сборнике «Книга ошибок» («Кніга памылак», 2014) представила зрелые, ориентирующиеся на американскую верлибрическую традицию (в первую очередь Буковски и Плат, но также Уильямс) тексты. «Юля Тимофеева открыла новую женскую поэзию — дерзкую, брутальную, острую»¹⁵, — отзывалась критика.

В женском письме о травме Тимофеева была в Беларуси одной из первых. Ее тематический/травматический диапазон постоянно расширялся. В текстах «Поле I» и «Поле II» из сборника «Цирк» (2016) намечается конфликт с местом и ролью женщины в патриархальном обществе (поле здесь как женщина, нужная лишь для рождения потомства), достигающий апогея в манифестарном стихотворении «Моя родина»: «От тебя, / отверженной, даже собственные дети / воротили свои чистенькие личики»¹⁶. Это уже социальная, протестная лирика. Тимофеева все больше концентрируется на человеке в бесчеловечных условиях в конкретном локусе, что позволяет В. Морт в предисловии к третьей книге авторки «ROT» (2020) назвать ее поэтом чернозема, «звуков, помещенных в черную почву смысла»¹⁷. Вместе с мужем **Ольгердом Бахаревичем** (р. 1975), начинавшим как поэт-авангардист и переводчик поэзии, а ныне — преимущественно прозаиком (один из самых известных романов — 900-страничная антиутопия «Собаки Европы»; в 2019-м вышел авторский перевод книги на русский язык), Ю. Тимофеева по политическим причинам временно покинула Беларусь в конце 2020 года.

Интеллектуальные, полные тонких и точных образов стихи **Вальжины Морт** (р. 1981), способные отпечататься в памяти навсегда (например, «Эпидемия розы» или «Может, и тебе порой кажется...»), сделали ее, пожалуй, самой известной белорусской поэткой в мире. Еще в 2006 году она переехала в США и с тех пор пишет на белорусском и английском языках. Пишет — и переводит с английского, украинского и польского. Сборник В. Морт «Music for the Dead and Resurrected» (2020) назван одной из книг года по версии «The New York Times».

В основе ее стихов — отношения с историей и памятью¹⁸, но и отношения вообще — с человеком (и женским телом в частности), языком и миром. Один из самых ярких текстов Морт, «Беларусский язык», объединяет сразу несколько этих мотивов: «Даже матери наши не знают, как мы появились на свет, / как мы сами, раздвинув их ноги, наружу пролезли. / Так после бомбардировки вылазят из руин»¹⁹. Руинизированное прошлое (и, соответственно,

15 *Латышава Д.* Разбураючы стэрэатыпы // Літаратура і мастацтва. 2016. № 36. С. 7.

16 Перевод И. Кивы.

17 *Морт В.* Распад натуралісткі // Цімафеева Ю. ROT. Прага — Мінск: Vesna Vaško: А.М. Янушкевіч, 2020. С. 5.

18 Эту мысль в сторону семейной памяти развил О. Коцарев в рецензии на переведенную Л. Панасюком и Д. Гладун на украинский язык книгу В. Морт «Епідемія троянд»: Коцарев О. Від історії і травми до трансу і метафори // Парадигма. 2019. № 1. С. 144—147.

19 Перевод Г. Рымбу (ранее в журнале «Воздух» публиковался перевод Д. Кузьмина этого же текста).

беларусское настоящее) — сквозной образ текстов поэтессы: «...наш пес вырос на чужом поводке / а наши матери вдруг перестали спать с мужчинами / так что глядя на них сегодня / все легче поверить в непорочное зачатие»²⁰; «Тут тенями утепляют на зиму / стены домов, трещины и дыры / забиты тенями...» и др. В «Эпидемии розы» взгляд Морт обращается к эвакуациям начала Второй мировой — описывая человека, попавшего в мордовскую эвакуацию, поэтесса сливается с ним, передавая ощущения голода с той же достоверностью, что и в одноименном романе Гамсуна: «Если долго не есть, / от сердца останется красная кость» — пытаюсь оберечь человека даже после <ненужной> смерти: «В моем Ноевом ковчеге — каждому призраку по паре»²¹. Тематический диапазон текстов В. Морт каталогизировал в своем исследовании А. Макмилин; выделим вслед за ним стихи о любви, сексе и пылкости, памяти, путешествиях; контрасты между насилием и нежной чувственностью (добавим: текстам В. Морт вообще свойственны контрасты и параллельные столкновения двух и более образных рядов/регистров, усиливающих обоюдным резонансом сказанное) и, что нам кажется важным, учитывая размытость многих верлибрических текстов: отсутствие абстрактного при ярких и зримых образах, «мощь ее описаний»²². На русском языке стихи В. Морт появились в переводах Д. Кузьмина («Воздух»), Г. Рымбу («Носорог», «Colta.ru», а также в сборнике «Гость» издательства «V-A-C press»²³) и др.

Краткий обзор не может вместить все заслуживающие упоминания имена условно «среднего» поколения, но мы должны назвать и таких значимых для белорусской поэзии авторов и авторок, как **Змитер Вишневец**²⁴ (р. 1973), **Виктор Жибуль**²⁵ (р. 1978), **Вольга Гронская** (р. 1978), **Вольга Гапеева**²⁶ (р. 1982), **Наста Кудасова**²⁷ (р. 1984), **Татьяна Светашева** (р. 1984) и **Мария Мартысевич**²⁸ (р. 1982), которые оказали и оказывают влияние на младшее литературное поколение.

Перечисленные выше авторы — белорусскоязычные (хотя, например, первый язык В. Морт — русский, и впоследствии она несколько раз использовала русские слова в текстах, но это свойственно и другим белорусским поэтам), крупнейшая фигура из пишущих по-русски — **Дмитрий Стронец**, основатель альманаха «Минская школа», книгоиздатель и активный популяризатор русскоязычной литературы Беларуси; пожалуй, самый известный для российского читателя белорусский поэт. Критики под «Минской школой» порой

20 Перевод Д. Кузьмина.

21 Перевод обеих цитат — Г. Рымбу.

22 *Макмілін А.* Вальжына Морт: паэтка паміж двума кантынентамі // *Дзеяслоў*. 2018. № 3. С. 265–280.

23 В сборнике «Гость» представлены переводы одноименного стихотворения В. Морт на пять языков.

24 См., например: *Белорусская поэзия: трудности перевода* (стихи З. Вишневец перевела С. Бунина) // *Новая юность*. 2009. № 6 (https://magazines.gorky.media/nov_yun/2009/6/beloruskaya-poeziya-trudnosti-perevoda.html).

25 Там же. В. Жибуля перевел П. Антипов.

26 См., например: *Гапеева В.* Черная яблоня / Пер. Д. Кузьмина // *Полутона*. 2020. 19 августа (<https://polutona.ru/?show=0819171821>).

27 См., например: *Кудасова Н.* «Крык бінтую маўчаннем лістоў» / Пер. И. Кузнецовой, А. Маркиной, О. Сульчинской и др. // *Дружба народов*. 2021. № 2. С. 182–189.

28 См, например: *Мартысевич М.* Сарматия и другие поэмы / Пер. Г. Каневского, Б. Херсонского, С. Шабуцкого, В. Шепелева. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2021.

подразумевали всю русскоязычную поэзию Беларуси (например, профессор-филолог И. Скоропанова), но сам Строцев настаивает на эстетической, а не языковой общности, «тождестве социального, культурного и экзистенциального опыта»²⁹, истоки которого, если обращаться к текстам самого поэта, пристраиваются из советского диссидентского и обэриутского минимализма с прививкой социальных и религиозных (порой вкупе) тем.

Арест Д. Строцева обрел невиданный резонанс в литературной среде — это говорит и об известности, и о дикости происшествия; поэта попросту похитили: «В другие времена новость о пропаже человека звучала бы чудовищно, но сейчас — новые нормы нормальности, сразу понятно, что “все в порядке”, Дмитрия, скорее всего, похитила милиция»³⁰. Итогом стали 13 суток на Окрестина, тысячи постов поддержки в Facebook, десятки статей, чтения в поддержку, стихи самого Строцева и посвященные ему (и две недели исковерканной человеческой жизни, в скобках, но в главных)... Промежуточным итогом размышлений о случившемся в Беларуси стала книга-билингва Д. Строцева «Беларусь опрокинута» — хроника, документ истории — с текстами, написанными с июня по декабрь 2020 года, на русском, белорусском (перевод А. Хадановича), а в некоторых случаях украинском, польском и литовском (тоже в переводах) языках.

Из-за «эстетической общности» к «Минской школе» сложно причислить пишущую на русском в Сморгони **Таню Скарынку** (р. 1969) с ее особой «простецкой» речью, наполненной «маленькими» событиями из жизни; поводом для поэзии у нее может стать любая мелочь, от увиденного незначительного эпизода до диалога, которая тут же перестает быть таковой, будучи облеченной в слова. В 2020 году Скарынкина стала лауреатом премии Андрея Белого за книгу «И все побросали ножи».

А вот **Ольгу Злотникову** (р. 1987) и **Ольгу Маркитанову** (р. 1985) как раз отнести к «Минской школе» можно — как и всех авторов одноименной книжной серии в диапазоне от В. Блаженного и Я. Пробштейна до самого Строцева. (В дни работы над этой статьей в серии «Минской школы» вышли сборники А.Л. Виллиона «Пентатоника» и Л. Шехтмана «Петроний», о которых Д. Строцев в Facebook сказал: «Жду выхода <этих> книг, как возвращения полноты»³¹.)

До событий 2020 года в Беларуси поэты, пишущие на русском языке, по большей части собирались вокруг русскоязычных изданий и консервативного Союза писателей Беларуси (особняком стоит, конечно, «Минская школа», но это уникальное — и прекрасное в своей уникальности — образование). Белорусскоязычные поэты до осени 2020 года не получали практически никаких предпочтений — значительных поэтов, переводимых на русский и другие европейские языки, было сравнительно немного; заметная же «волна» началась в прошлом августе. В сознании большинства, даже в пределах Беларуси, национальная поэзия была связана с народными и фольклорными образами:

29 *Строцев Д.* Минская школа // Литература. 2015. № 41 (<https://litteratura.org/poetry/944-minskaya-poeticheskaya-shkola.html>).

30 *Ананко Я., Курибаум Г.* Арифметика насилия // Colta. 2020. 30 октября (<https://www.colta.ru/articles/specials/25809-yaroslava-ananko-genrih-kirshbaum-arest-dmitriy-strotsev>).

31 https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=4527876287226586&id=10000012774254.

праздник Ивана Купалы (именно этот псевдоним выбрал себе И. Луцевич, подчеркивая связь с народной традицией), селяне и т. д. «Мы жили в языковом гетто — и сами про себя так говорили, — отмечает А. Комар. — Люди считали, что написанное на белорусском языке — скучно и неинтересно. И только несколько лет назад стали выходить из него». Под «выходом» в первую очередь информанты понимают инициативы ПЕН-Центра и Союза белорусских писателей — «Школу молодого литератора», «Школу творческого письма», вильнюсскую резиденцию, премию «Дебют» им. М. Богдановича и др. Важность развития белорусского языка многократно подчеркивал экс-глава ПЕН-Центра (2009—2017) А. Хаданович, отмечая, что в новостной повестке — а, по сути, официально — белорусская речь подается «на закуску, для колорита»³². Таким образом, несмотря на ряд выдающихся имен, белорусский язык для многих — *terra incognita*, особенно (а) в сравнении с русской поэзией; особенно (б) если сравнивать свои стихи и чужие, находить место для *своего голоса*.

Это актуально для молодого поколения (яркие имена за пределами этого пространства в первую очередь уехавшие из страны **Мария Малиновская** (р. 1994), **Кася Иоффе** (р. 1995), **Андрей Фаицкий** (р. 1989) и др.); практически все зазвучавшие в последнее время голоса привносят новое в не до конца исследованное языковое пространство. **Павел Горбач** (р. 1993) пишет слемовую поэзию на так называемой тряснянке, просторечии, совмещающем элементы русского и белорусского языков. (Его, как и многих героев этого обзора, коснулись репрессии — П. Горбач был осужден на 15 суток.) **Дарья Белькевич** (р. 1993) — верлибристка с многообещающими текстами (недавняя книга — «Слезы на вечер») и др. Поэт А. Комаровский в интервью Д. Трайден назвал еще одну из причин письма на белорусском — *первооткрывательство*: «Я больше читаю на русском, и поэтому мне сложнее на нем [белорусском] писать: я вижу примеры “идеальных” текстов и понимаю, что мой будет намного хуже»³³.

Сконцентрируемся на именах А. Комар и К. Бандуриной, представленных в нашем переводном блоке. **Анна Комар** (р. 1989) также оказалась среди тех, кого репрессировала собственная власть — смела с улицы и доставила в изолятор на Окрестина. «8 сентября 2020 г. нас окружили люди в военной форме и без формы и прижали к стене», — записала она в дневнике. Суд по скайпу приговорил Комар к 9 суткам по статье 23.34 КоАП РБ за незаконный митинг. Она почти ничего не видела в тот день — зато стихотворением «В нашей камере» отразила то, с чем столкнулись тысячи белорусов: «скрип кровати <...> лязганье дверей / перестукивания через стены / *жы-ве-бе-ла-русь* <...> просьбы / проклятия / кошмары / и одно на всех / “когда я выйду на волю...”» Спассти/-сь от страха вообще и страха насилия в частности — главное в предельно гуманистических текстах Комар. Ее тонкопсихологическая поэзия идет от А. Рязанова и М. Цветаевой, отчасти от С. Жадана. В стихотворении «Когда Анна ушла...» суицидальный по сути сюжет декларирует вовсе не смерть, а

32 Хаданович А. «Я — влюбчивый переводчик...» // Интерпоэзия. 2018. № 1 (<http://interpoezia.org/content/ya-vlyubchivyy-perevodchik/>).

33 Трайден Д. «В двадцать лет я писал о любви к какой-то придуманной девушке»: интервью с поэтом Артуром Комаровским // Идентичность и право. 2020 (https://identitylaw.org/novosti/_dvadtsat_liet_ia_pisal_o_liubvi_k_kakoi_to_pridumnoi_dievushkie_intierv_iu_s_poetom_arturom_komarovskim).

освобождение от страхов через их расщепление: «Анна их раздала всем, кто когда-то был рядом: / сперва любимому, позже друзьям, что встретились на пути, / и случайным знакомым...» Стилистически Комар использует эффект маятника — несерьезный *вроде бы* ритм (много ли миру дела до страданий конкретного, пока еще живого, существа?) накладывается на трагическую концовку, высказанную уже без карнавальных экивоков — жестко, скупое, однозначно. (В поэзии Комар вообще нет наигранного, — это отмечают и белорусские критики³⁴.)

Важно понимать (это не совсем ясно из приведенной цитаты): погибает *не героиня* А. Комар, а *ее образ* из первой книги «Страх высоты» («Страх вышины», 2016). В одноименном стихотворении боязнь падения с велосипеда наслаивается на потерю отца-защитника и опоры. Как следствие — тяжелое переживание одиночества и покинутости (при полной семье) и суицидальные мысли.

В последующих текстах А. Комар обращается уже не к духу, а к телу/телам. «Я хочу быть снова телом своим...» — говорит она в стихотворении «Женские цепи солидарности», что значит: из объекта стать человеком. Объективация на паях с насилием — тоже родом из детства (см. текст «Кукла», мысль из которого пронизывает все творчество Комар: «Эта кукла (я, женщина, человек. — В.К.) ни в чем не виновата»).

Тематически Комар не заикливается на самореференциях, хотя и в них частное лишь подчеркивает общее. Женские судьбы вообще («Амира»), протестные стихотворения (как направление новейшей белорусской поэзии), травмы детства, девичества и зрелости — А. Комар пишет о *новых маленьких людях*, не заслоняясь от внешней агрессии, но каждый раз находя новые «цепи солидарности».

Кристина Бандурина (р. 1992) громко заявила о себе с первой книги — «Ното» (2019), внимательно изученной рецензентами³⁵ и вошедшей в шорт-лист премии «Дебют» им. М. Богдановича. Благожелательная рецепция понятна — авторка отыскала свои темы: второй в белорусской поэзии заговорила о любви девушки к девушке, а также обратилась к теме насилия — от общечеловеческого до частного. Бандурина перебирает регистры, придавая текстам новый объем и смыслы на стыке дискурсов и образных рядов. «Тайный язык самолетов» сопоставляется с языком тел; и падают не они, а люди — в руки друг друга. Или — в рuce. Аналогия не случайна. Явный или скрытый религиозный регистр пронизывает все творчество поэтки. Собственно, и «Ното» открывается циклом «Заповеди» (с характерными главами: «Не имей иных богов», «Почитай родителей своих» и т.п.); но не только: клерикальные образы прошивают всю книгу — «затертые псалмы и сонники», «библия их движений», «ветхий завет губ» и т. д.

И выходит за ее пределы. В цикле «Евангелие от М.М.»³⁶ — история насилия людей над людьми, идущая от Голгофы. Цикл, законченный в октябре

34 См., например.: *Грышчук Н.* Страх без нянавісіці // <https://budzma.by/news/strakh-byez-nyanavisci.html>.

35 См., например: *Адам М.* Каханне не мае полу // Звезда. 2019. 2 мая (<http://zviazda.by/be/news/20190502/1556779057-kaханне-не-мае-полу>); *Брава А.* Рец. на сб. К. Бандуриной «Ното» // *Алеся*. 2020. № 1. С. 44.

36 *Бандурина К.* Евангелие от М.М. / Пер. Г. Каневского // *Артикуляция*. 2020. № 10 (<http://articulationproject.net/6226>).

2019 года, словно предвосхитил августовские события минувшего года: строки «Безмерная масса / людей / раскрашивает асфальт / в цвета свободы» — белый цвет кожи и красная кровь. «География, арифметика и немного любви» — так назвала Бандурина один из своих циклов. Эти слова относятся ко многим людям с бело-красно-белым сердцем.

Любимым женщинам посвящены самые нежные и незащитные тексты (но и обволакивающие защитой *другого*: позволяющие, например, без страха закрывать глаза во время поцелуев). В них нет этического конфликта. Конфликт у авторки с миром — декларирующим, но по факту не признающим право человека на свободу. Это может быть мать, для которой дочь всегда была «не такая»; общество, которое пытается «перевоспитать лесбиянку»; наконец, война государства со своим народом, отнимающая любимых. Стихотворение-манифест «Инструкция по размазыванию человека», написанное в августе 2020 года, бьет набатным колоколом реальных, а от того особо жутких подробностей: «Если кричат — бейте. Бейте сильнее — за их крики». И поэтка кричит — не опасаясь возможных ударов.

Первым на русский язык стихотворения К. Бандуриной перевел Г. Каневский³⁷, позже появились наши переводы в проекте «На языке тишины»³⁸.

К. Бандурина — одна из трех белорусских квир-поэтов/-ок, которые пишут об этом открыто. Двое других — **Наста Манцевич** (р. 1983) и **Артур Комаровский**³⁹ (р. 1991). Сборников тоже пока всего три: «Птушкі» (Манцевич, 2012), «Номо» (Бандурина, 2019) и «Вада пачынае жыць» (Комаровский, 2020). Квир-поэзия, в отличие от украинских (Ф. Чернышев, О. Барлиг и др.) и российских (О. Васякина, В. Леденев, Л. Агамалова и др.) реалий, в Беларуси только появляется — и ожидаемо наталкивается на неприятие. «Мне было страшно, когда я готовила сборник “Номо”, — говорит К. Бандурина. — После выхода книги люди отказывались со мной сотрудничать, останавливали на улице, пытались перевоспитать». С открытой агрессией наши респонденты не сталкивались; более того, квир-стихи Комаровского выходили в достаточно консервативном журнале «Маладосць» (в пору работы там К. Бандуриной), но право на идентичность им еще предстоит отвоевать. И хотя уровень принятия и толерантности в белорусском обществе к ЛГБТК+-людям в последние годы возрос, «опубликовать где-то квир-поэзию у нас довольно сложно, а то и совсем невозможно»⁴⁰, — констатирует А. Комаровский.

Собственно, и фемпизм вызывает в определенных кругах возвращенное на скрепах отторжение. Общей площадки, как, например, в России («Ф-письмо»), в современной Беларуси нет, есть несколько разрозненных авторов, развивающих эту тему: В. Морт, К. Бандурина, М. Мартысевич, Ю. Тимофеева, А. Комар, А. Отчик и др. Женщин, пишущих о насилии, мало. Хотя предпосылки к развитию фемпизма налицо: а) единственная в стране нобелевская лауреатка, С. Алексиевич, — женщина; б) самая известная в мире белорусская поэтка,

37 Помимо цикла в «Артикуляции» см. сборник «Вот они, а вот мы. Белорусская поэзия и стихи солидарности».

38 Бандурина К. «Она лежала среди сугробов...» // <https://so-edinenie.org/pages/proekt-na-yazike-tishini/kristina-bandurina>.

39 Квир-прозаиков всего двое: Владислав Горбацкий (см. его книгу «Песні тралейбусных рагуляў», 2016) и Дарья Трайден («Крышгальная ноч», 2018).

40 Трайден Д. «В двадцать лет я писал о любви к какой-то придуманной девушке»: интервью с поэтом Артуром Комаровским.

В. Морт, — женщины; в) знаковые переводы популярных книг, например «Гарри Поттера» (пер. Е. Петрович), все чаще делают женщины; г) в премиальных списках женщин тоже все больше.

В целом к фемпоэзии, равно как и к квир-поэзии, сохраняется недоверие, если не сказать откращивание. Потому и идентификационные феминитивы приживаются в белорусской литературе с трудом — разве что в среде самых молодых. Во время подготовки сборника «Вот они, а вот мы. Белорусская поэзия и стихи солидарности» (2021) мы уточняли идентичность у каждой авторки. Результаты оказались смешанными: слово «поэт» выбрали четыре раза; «поэтесса» — пять; «поэтка» — семь (причем среди «совсем молодых» оказалась и Вера Бурлак 1977 р.). Судя по всему, это слово в ближайшие годы утвердится в литературных кругах и выйдет за их границы — в отличие от русского, «поэтка» органичнее вписывается в белорусский язык.

Вписывается в белорусское литературное пространство и верлибр, несмотря на куда больший объем силлабо-тонических текстов. Самое заметное «верлибрическое» издание — «Антология современного белорусского верлибра» (2019), подготовленная Г. Бартошем и вызвавшая немало дискуссий. Книга формировалась на основе опросов: Бартош собирал списки, состоящие из десяти имен, и самых «повторяющихся» авторов приглашал в книгу. В антологию в итоге вошло тридцать верлибристов (в их числе герои нашего обзора А. Рязанов, В. Орлов, В. Аксак, В. Морт, Д. Строцев, А. Хаданович, Ю. Тимофеева, Т. Скарынкина, В. Гапеева, М. Мартысевич и др.); стихи — от каждого автора по три текста — предваряли три предисловия, в одном из которых филолог С. Колядко выступила с резким неприятием верлибра.

В среде молодых авторов верлибр лидирует с большим отрывом, точнее, даже так: приверженцев конвенциональной силлаботоники среди заметных поэтов/-ок практически нет (исключение — песенная поэзия, как у В. Рыжкова или В. Ленкевича). Хотя популярен и гетероморфный стих. К. Бандурина и А. Комаровский пишут и свободным, и регулярным стихом, смешивая техники.

Изданий, в которых могли бы публиковаться белорусскоязычные авторы, немного — информанты отметили их дефицит, а Facebook — как предпочтительную площадку для размещения своих текстов. Главным белорусским литературным журналом можно назвать «Дзеяслоў» (главный редактор Б. Петрович (Саченко), он же председатель Союза белорусских писателей). «Маладосць» и «Полымя» — белорусскоязычные, финансируемые государством журналы. Из печатных изданий отметим приложение к газете «Новы час» — «Літаратурная Беларусь», а также выходящую с 1932 года газету «Літаратура і мастацтва». Из онлайн-изданий выделим журнал «ЛітРАЖ», а также интернет-журнал, посвященный зарубежной литературе в переводах на белорусский язык «ПрайдзіСвет» (в редколлегии — Ю. Тимофеева, В. Ленкевич с супругой Е. Петрович и др.). Многие другие издания, например «Неман», финансируются государством и ориентированы на авторов Союза писателей Беларуси и русскоязычные материалы; доходит до того, что для публикации в журнале автора переводят с белорусского языка на русский⁴¹.

С литературными премиями ситуация куда лучше — только при ПЕН-Центре их десять (!). Отметим премию журнала «Дзеяслоў» (при Союзе бела-

41 См., например: *Камейша К.* Стремится вдаль заветная верста / Пер. с беларус. М. Кулеша // *Неман.* 2020. № 12. С. 3—7.

русских писателей) — «Залаты апостраф» за лучшую публикацию года (ее получали упомянутые в статье А. Хаданович, В. Аксак, В. Рыжков, В. Гапеева, К. Бандурина) и «Дэбют» («Дебют») им. Максима Богдановича, вручаемую за лучшую дебютную книгу (среди лауреатов В. Ленкевич, А. Комар, Ю. Тимофеева, Д. Трайден, коллектив журнала «ПрайдзіСвет», А. Комаровский и др.). Более опытные авторы могут претендовать на другую премию ПЕН-Центра — им. Натальи Арсеньевой (А. Хаданович, М. Мартысевич и др.), которую называют «главной белорусской наградой для поэтов»⁴². В целом ситуация до лета 2020 года складывалась весьма благоприятно для премиального процесса в стране, но из-за политической нестабильности и пандемии бюджеты урезаются, частных издателей (безденежье, обыски, аресты) становится меньше.

Среди фестивалей выделим «Вершы на асфальце» им. Михася Стрельцова — крупнейшее поэтическое событие в стране. На него приезжают зарубежные поэты, прозаики, переводчики и литературоведы. В 2021 году в программе появились I Стрельцовские чтения, то есть к художественной добавилась теоретическая часть. В рамках стрельцовского фестиваля в 2021 году прошли «Фестываль аднаго верша», вручение премии «Залаты апостраф» (и, собственно, Стрельцовской премии), проходили круглые столы, марафоны и др. Еще один фестиваль — интеллектуальной литературы «Прадмова», объединяющий не только языки, но и локусы: фестиваль путешествовал по многим городам Беларуси, привозя авторов и авторок даже в провинцию.

Август 2020 года запустил цепочку культурного протеста и обратил внимание всего литературного мира на белорусскую поэзию. Множатся встречи, чтения, поэтические марафоны, переводы на основные европейские языки, выходят книги. В Польше выпущена антология «Wschód wolności» («Рассвет свободы»), в Украине — антология «Бум-Бам-Лит», в России — книга-хроника «Вот они, а вот мы. Белорусская поэзия и стихи солидарности». «Формат хроники выстраивает события в историю», — пишет в послесловии к ней филолог У. Верина⁴³. История выделяет цветами (от цвета крови до типографской краски) то, чего мы не замечали ранее. И тех, кого не замечали.

Голоса прорастают там, где их пытаются сорвать. Каждый сорванный голос отдает эхом в тысячах аккаунтов и миллионах сердец. Культурный протест внутри Беларуси перерос в масштабную культурную солидарность, охватившую весь мир.

Несвободе, опыту бесчеловечья сопротивляются тысячи текстов, создающихся в Беларуси и о Беларуси сейчас. В культурном смысле они уже победили.

42 *Володарский Ю.* Андрей Хаданович: Мирный человек // ШО. 2020. № 9—11. С. 72.

43 *Верина У.* «Мы» — это важно. Хроника портала «полутона». С. 146.